

⁷ Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 23.

⁸ Там же. С. 311.

⁹ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретений в области математики. М., 1970. С. 73.

«Критика способности суждения» с точки зрения юриста

Ю. Лебун
(Гамбургский университет)

1. Рассмотрение «Критики способности суждения» в качестве предшественника «Метафизических основ учения о праве». После широких публикаций «Критики чистого разума» (1781), «Основ метафизики нравов» (1785) и «Критики практического разума» (1788) Кант завершил в 1790 году свою последнюю «Критику», а именно, «Критику способности суждения». Объектом этой «Критики» являются выявленные Кантом определяющие причины «чувства удовольствия и неудовольствия» как телесной составной части каждого чувственного объекта, содержание которого зависит от связанного с ним *ratio*. Что касается *ratio*, т. е. целесообразности, то Кант так же, как и мы, юристы, различает субъективную и объективную целесообразность. Субъективную область заполняют эстетические суждения, т. е. суждения о красоте и возвышенности. Объективная область базируется на телеологических определяющих причинах, а именно, всегда руководствуется первичностью природы. Из этой производной от природы теории целесообразности может быть выведен так называемый закон природы, при помощи которого мог бы быть наведен мост к философии права. Однако представляется сомнительным, хотел ли Кант уже в сфере своей «Критики способности суждения» развить собственно философско-правовые представления и феномены. Поэтому в философской науке преимущественно представлена точка зрения, что кантовское учение о праве конкретизировалось им с 1797 года, почему нам, юристам, представлялось отношение Канта к правовой философии скорее сдержанным, вероятно, даже в качестве духовно-эстетической вершины его учености, к которой Кант почувствовал себя способным и определенным лишь в преклонном возрасте. Поэтому неудивительно, что во многих историко-правовых публикациях, прежде всего авторов-юристов, не присутствует имя Канта. Существует даже точка зрения, что при оценке кантовской философии можно обойтись без упоминания «Метафизики нравов». Фактически учение о праве считается проблемным возрастным произведением Канта. В связи с этим я процитирую «К истории и интерпретации философии Канта» Леманна (Берлин, 1969, с. 195): «В возрасте Кант думает только еще пером. Его труды, которые действительно не являются

случайными продуктами, представляют собой все же только разрезы, только фазы неутомимо продолжающегося процесса. Их абсолютное понимание достигается только генетически, то есть при использовании размышления и подготовки. Особенно важно извлечь так называемые личные заметки, так как печатная работа зависит от определенных внешних планирований и целевых установок, которые вредят свободному ходу мысли по необходимости. Это относится к опубликованным после 1790 года трудам, особенно к «Метафизике нравов».

В качестве вывода из этой интерпретации юрист сможет лишь предположить, что «Критика способности суждения» также может быть оценена как начальный феномен выражения кантовского учения о праве. Как же рассматривает юрист этот феномен?

2. Анализ понятий «Критики». Мы говорим о конструктивной критике, если мы хотим улучшить или во всяком случае в положительном смысле изменить дела. Метод такого анализа квалифицируется в литературе как «критическое осознание» и должен вести к единству и порядку в рамках *status quo*. Возможность единого порядка, таким образом, предполагается как логическое начало каждого критического соображения и, следовательно, дает нам основу для объяснения нашего познания. «Мы не можем,— так заметил Кант в своей «Критике чистого разума»,— себе представить ничего связанным в объекте, не связав этого предварительно сами» (3, 190). Поэтому каждый анализ предполагает данный синтез. Отсюда мы узнаем для юриспруденции, что обусловленные единством методы правового мышления — то есть совершенно чистые основные понятия и принципы права — могут быть различимы только внутри исторического переживания; в этом отношении чистого разума недостаточно. Таким образом, мы получаем ясное указание на то, что только тот, кто имеет достаточное базисное знание об основах права и его историческом окружении, может быть призван и осуществлять критику, чтобы тем самым служить прогрессу. Кто это познал, понимает очень быстро, что для фундаментального и хорошего юридического образования необходим обмен знаниями в философии и истории, как это столетиями требовали и сохраняли в Альбертине.

Квалифицированная, конструктивная критика в рамках юриспруденции оказывается, таким образом, выражением научной, гуманитарной и социально ориентированной воли: как можно ближе подойти к объективному праву, и это в ясном осознании того, что поэтому объективного права может и не быть, так как его объективность принуждающе исключает недостаточность человека. В чем же заключается в принципе эта недостаточность? Ответ звучит так: субъективно созданное человеком право подчиняется компетенции для этой цели образованных людей, судей, административных служащих, т. е. сно-

ва находится под влиянием человеческой субъективности. Тот факт, что при этом, осознанно или неосознанно, взаимодействуют телеологические, теологические и наверняка также социальные, мировоззренческие воздействия, никого не может удивить и позволяет просто дисквалификацию критики вплоть до деструкции. Во всяком случае этого не происходит, если критика воспитывалась в осознании ответственности перед правом.

Но это осознание будет нас, людей, снова и снова стимулировать, в силу нашего духа и нашего знания, к поиску и нахождению путей, которые делают нашу жизнь без объективного права такой терпимой и одновременно такой агрессивной.

3. Анализ критики способности суждения». Что мы понимаем под «способностью суждения»? В рамках предложенного в связи с этим аналитического мышления предлагается, по меньшей мере, три различных интерпретации:

А) Способность, которая необходима, чтобы поставить рассуждающего в положение, когда он преодолевает свое сомнение в правильности своего суждения и освобождается от этого сомнения, т. е. речь идет о субъективной способности рассуждающего самому бороться за справедливость суждения.

Б) Способность, которая внутренне присуща настоящему суждению с результатом, когда изначально иначе думающий им убеждается; в соответствии с этим рассматривалась объективная способность суждения.

В) Способность, которую придает государство суждению через свое исполнение и которая производится из власти, т. е. речь идет о высокой способности: суждение вырастает в способность права.

Способность, которая выражает суждение, или которая ему внутренне присуща, или осуществляющуюся посредством суждения, можно интерпретировать и понять во всех вариантах как интегрирующую составную часть справедливости. Преклонение человека перед этой способностью должно, с одной стороны, сделать очевидной большую ответственность рассуждающего в интересах справедливости и предостеречь, что необходимо развивать и сохранить доверие у юридически необразованного субъекта, который подвергается его суждению.

Кант выражает это в черновых набросках к «Критике способности суждения» так: «Каждый — не просто средство, но одновременно также цель, но ссылается при этом только на отношение отдельного к государственному аппарату. Смотри по обстоятельствам, вставить идеальную мысль чистого общества также везде среди подчиненных праву». Далее Кант определил в § 28 «Критики способности суждения» базирующуюся на силе власть как способность, превосходящую великие преграды. Власть природы над человеком лишает его возможности осознать красоту или тем более возвышенность.

4. Выводы для философии права. Как мы знаем,

вначале набросанная Кантом «Критика вкуса» стала «Критикой способности суждения». Этот переход связан, вероятно, с тем фактом, что Кант развил понятие двойной целесообразности, а именно:

а) субъективно-формальную эстетики и

б) объективную, понятийно определенную целесообразность созерцания природы.

Обе функции целесообразности соединяются в понятии рефлектирующей способности суждения и тем самым поднимаются до суждения справедливости, что я вскрыл выше в «Синтезе способности суждения», исходя из юридической точки зрения, только средствами логики. Телеологически рефлектирующая способность суждения или — как я это сформулировал — субъективная способность, с одной стороны, и объективная способность суждения, с другой, переводят разум и способность представления и образования во внутреннюю свободную игру способностей друг с другом и их воздействие на внешнюю среду.

Благодаря этому познанию можно, и это утверждали также наши великие поэты Гете и Шиллер, протянуть связь к классической философии, этим познание связывается с практиковавшей вместе с римским правом философией: «Jus est ars boni et aequi», что означает в переводе: «Право — искусство равного и доброго». Это сказали древние римляне, а мы, жители Гамбурга, гордимся тем, что это высказывание, высеченное в песчанике над порталом нашего ганзейского верховного земельного суда, напомнит каждому критически о требовании справедливости.

Перевод с нем. Т. М. Потеминной

Категории конечной и высшей цели в учении И. Канта и их значение для теории морали

Г. Н. Гумницкий

(Ивановский государственный университет)

Категория конечной цели, этическая по своему основному смыслу, стала предметом специального рассмотрения лишь в «Критике способности суждения», — очевидно, потому, что именно здесь в центре внимания Канта находится проблема целесообразности, — хотя эта категория применяется и в предшествующих «Критиках». Следовательно, третья «Критика» представляет несомненный интерес и с точки зрения этики.

Понятие конечной цели зарождается еще в античности. Аристотель в «Никомаховой этике», различая цели, которые в то же время являются средствами, и цели, которые ими не являются, по существу, рассматривает последние в качестве конечных целей. Конечной целью, с его точки зрения, следует считать блаженство. Но в этике Аристотеля понятия конечной